

Яростный возглас Вэй Сыяня эхом разнёсся по больничному коридору, заставив случайных прохожих вздрогнуть и замереть. Доктор разжал пальцы, и Пэй Юй бессильно сполз по стене, превратившись в бесформенную грудку ветоши. Взгляд Сыяня был полон нескрываемого отвращения.

— Теперь ты всё знаешь, Пэй Юй. До самого того момента, как Наньшу заговорил о разводе, он ни словом не обмолвился об операции. Знаешь почему? Потому что он был уверен, что не выживет. И даже тогда, стоя на пороге смерти, он решил промолчать — просто не хотел тебя беспокоить, не хотел портить тебе жизнь своими проблемами.

Вэй Сыянь сделал паузу, и его голос стал пугающе спокойным:

— В тот день, когда его увозили в операционную, тебе ведь поступил звонок? Наньшу просто хотел напоследок услышать твой голос. А ты... ты просто сбросил его.

Эти слова, тихие и сухие, полоснули Пэй Юя по сердцу острее самого тонкого скальпеля. Боль, медленная и тягучая, проникла в самую суть его естества, выворачивая все внутренности наизнанку, точно его подвергали изощрённой пытке в реальном времени. Чувство вины, вспыхнувшее внутри, окончательно поглотило его.

Старый господин Пэй покачнулся, его лицо приобрело землистый оттенок. Пэй Янь едва успел подхватить отца под локоть, не давая ему упасть. Патриарх, охваченный горем и стыдом, лишь бессильно ударил тростью о пол, и из его горла вырвался сдавленный хрип:

— Грех... какой страшный грех мы совершили...

В смотровой царила мертвенная тишина. Человек на больничной койке казался воплощением хрупкости; его длинные тёмные ресницы были плотно сомкнуты, точно крылья уснувшей бабочки. Врачи уже закончили обрабатывать раны и наложили лекарство. Вэй Сыянь на глазах у Пэй Юя осторожно приподнял край рубашки больного — воспалённый, тронутый инфекцией шрам вновь предстал перед ними. Видимо, антисептик сильно жёг, потому что спящий Наньшу бессознательно нахмурился, и между его бровей пролегла страдальческая складка.

Пэй Юй не произнёс ни слова. Он сидел, низко опустив голову, так что его лица не было видно в тусклом свете ламп. Лишь когда под утро капельница опустела и пришедшая медсестра извлекла иглу, он наконец шевельнулся.

Доктор ответил на это лишь холодным оскалом.

— Я... я съезжу домой, — прохрипел Пэй Юй, его голос напоминал шелест сухой травы. — Привезу ему поесть. Он почти не ужинал... Проснётся и будет голоден...

— Ему не нужна твоя фальшивая забота, — отрезал Сяньнь. — Пэй Юй, ты — животное. Если в тебе осталась хоть капля совести, подпиши бумаги. Дай ему шанс просто выжить.

Мужчина замер на пороге, но так и не обернулся.

В приёмном покое Старому господину Пэю стало дурно от гнева и переживаний, поэтому Пэй Янь вместе с женой поспешили отвезти его в поместье. Пэй Чжо дожидался племянника у входа — он уже успел досконально расспросить персонал о состоянии Наньшу и изучить историю его болезни. Увидев Пэй Юя, он едва сдержался, чтобы не ударить его.

— Ты, паршивец, совсем совесть потерял! Я думал, ты просто по молодости гуляешь, не можешь остепениться, а ты... Ты посмотри, во что ты превратил Наньшу!

Пэй Чжо с силой толкнул племянника к стене. Заметив, что тот смертельно бледен и едва держится на ногах, мужчина подавил в себе ярость и, не рискнув доверить ему руль, сам повёз его в семейное гнездо.

Резиденция семьи Пэй

Два часа ночи, но старинный трёхэтажный особняк, помнивший ещё времена Китайской Республики, сиял огнями. Пэй Чжо и Пэй Юй едва переступили порог холла, как их встретил громовой голос Старого господина Пэя. Перед ним на полу лежали осколки разбитой фарфоровой чашки.

— На колени!

В семье Пэй слово патриарха было законом. Заметив, что Юй медлит, Пэй Чжо резко ударил его под колено. Юноша рухнул, его коленные чашечки с глухим стуком встретились с холодным мрамором пола. Пэй Чжо вдруг осознал: племянник не упрямылся — он просто был настолько глубоко в своём шоке, что не сразу услышал приказ.

— Как у тебя духу хватило тащить в нашу семью всю эту грязь?! — гремел Старый господин. — Каковы устои семьи Пэй? Как ты позволил Фан Лин помыкать Наньшу все эти годы?!

— Ты сам согласился на этот брак! Никто тебя не неволил! Если бы я знал, каким подлецом ты окажешься, я бы в жизни не допустил этой свадьбы!

— Я привёл Наньшу в этот дом не для того, чтобы ты втаптывал его в грязь!

Голос Старого господина срывался на крик. Он вскинул трость и принялся наносить удары по спине внука. Этот антикварный посох из бивня нарвала, редчайшее сокровище из коллекции британского лорда, со свистом рассекал воздух. Каждый удар по спине взрослого мужчины был способен сбить с ног, но Пэй Юй принимал их не шелохнувшись.

Старик, ослеплённый яростью, бил всё сильнее. Пэй Янь, испугавшись, что отец покалечит сына, попытался вмешаться, но тщетно. Однако, когда трость взлетела для очередного удара, стоящий на коленях Пэй Юй внезапно вскинул руку и на лету перехватил костяное древко.

— Что ты делаешь?! — взревел дед. — Ты смеешь противиться мне?!

Спина Юя горела, пронзительная, острая боль проникала под кожу, вгрызаясь в мышцы, но он не разжимал пальцев. Его глаза были налиты кровью.

— Дедушка... — прохрипел он. — Наньшу в больницу. Я должен отвезти ему вещи. Когда он выпишется — бейте меня столько, сколько сочтёте нужным.

Утром Вэнь Наньшу наконец пришёл в себя. Всё тело ныло, точно его долго и методично избивали; каждое движение отзывалось тупой, тягучей болью.

Постепенно зрение сфокусировалось на ослепительно белом потолке. Знакомый вид инфузионных пакетов, едкий запах антисептика и резкая, колющая боль в самом интимном месте при малейшей попытке шевельнуться заставили его замереть.

Ощущение липкой мази на коже вызвало в памяти события прошлой ночи. Кошмар, случившийся в номере, хлынул обратно удушающей волной: растоптанное достоинство, позор, обнажённый перед чужими людьми...

Наньшу судорожно затрепетал ресницами и, спасаясь от резкого утреннего света, вновь плотно закрыл глаза.

Вэй Сыянь ушёл на утренний обход в стационар, но Пэй Юй, вернувшийся из резиденции, всю ночь просидел у постели больного. Он не сомкнул глаз ни на минуту, и едва пальцы Наньшу дрогнули, он мгновенно это заметил.

Юй порывисто поднял голову, надеясь встретиться с ним взглядом, но увидел лишь, как Наньшу снова закрывает глаза. Этот жест отозвался в его душе невыносимой горечью. Прошлой ночью на раскалённой сковороде мучений корчился его муж, теперь же настала очередь самого Пэй Юя.

— Наньшу... — Юй осторожно накрыл ладонью руку мужчины. Его дыхание стало тяжёлым,

прерывистым. — Прости меня... Я не знал, что ты так тяжело болен. Я не знал об операции. Вчера я просто сошёл с ума... Я поступил как последнее ничтожество.

Эта ночь показалась Пэй Юю бесконечной. За всю свою жизнь он не испытывал ничего подобного: шок, растерянность, беспомощность и удушающее чувство вины обрушились на него, точно три огромные горы, лишая возможности дышать.

Каждый кадр их прошлого, всплывавший в памяти, превращался в хлёсткую пощёчину. Всю ночь его сердце словно балансировало на острие ножа. Он до ужаса боялся, что Вэнь Наньшу никогда не простит его, боялся, что никакие искупления уже не помогут. А тишина со стороны больного только подпитывала этот страх. Словно беспомощный ребёнок с дурным характером, Юй прижал руку Наньшу к своей щеке, и в его глазах наконец блеснули слёзы.

— Можешь ругать меня, можешь ударить... Только не молчи так. Клянусь, этого больше не повторится. Мы начнём всё сначала, я всё исправлю... Как только тебе станет лучше, я передам дела Пэй Чжо и отвезу тебя в Швейцарию...

— Подпиши...

Пэй Юй замер. Вэнь Наньшу открыл глаза и, глядя куда-то в пустоту, повторил:

— Подпиши бумаги.

Тон Наньшу был бесцветным и прозрачным, точно дым, который невозможно удержать в руках. В тусклых глазах Юя отразилось полное отчаяние, а выступившие слёзы были полны беспомощности. Каждое из этих слов было подобно стреле, вновь и вновь пронзающей его сердце, выставленное на всеобщее обозрение.

— Наньшу, дай мне ещё один шанс... Раньше я был подонком, я был слеп все эти годы. Но эти месяцы без тебя показали, что я просто не могу без тебя жить. Ты спрашивал, люблю ли я тебя... Вэнь Наньшу, чёрт возьми, я с самого детства был эгоистом и никого не умел любить. Это ты учил меня, ты был рядом... Кого мне ещё любить, кроме тебя?.. Я всё изменю, буду заботиться о тебе. У нас всё будет как в школе, хорошо?..

Слёзы Пэй Юя упали на тыльную сторону ладони Наньшу. Горячие... или, быть может, ледяные.

В этой капле отразились годы их первой встречи. Он помнил, как впервые вошёл в резиденцию семьи Пэй и, охваченный робостью, поднял взгляд на величественную лестницу. Там стоял самый красивый и благородный юноша, которого он когда-либо видел — гордый, ослепительный, свободный от всех земных оков. Даже понимая, что этот пленительный свет подобен лезвию, смазанному мёдом, он не смог удержаться и шагнул навстречу.

Сначала он робко называл его «молодой господин Пэй», затем просто «Пэй Юй», а позже, в ночных комнатах, залитых звёздным светом, два подростка засыпали в объятиях друг друга, и он шептал: «А Юй».

В уголках глаз Вэнь Наньшу скопилась влага. Почему изначальная красота всегда так недолговечна? Сгоревший пепел можно лишь развеять по ветру; как может он вспыхнуть пламенем вновь?

— Пэй Юй... прошу тебя... просто отпусти меня.

<http://bllate.org/book/15853/1441686>